

ВСЕМ, КТО ПОДТВЕРЖДАЛ МОИ ВОСПОМИНАНИЯ,
ВНОСИЛ В НИХ ПОПРАВКИ, ПОДВЕРГАЛ ИХ СОМНЕНИЮ
ИЛИ ПОМОГАЛ РАЗОБРАТЬСЯ С ДЕТАЛЯМИ, —
МОЯ ГЛУБОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

ВСЕМ, КТО УВИДЕЛ РЕЗУЛЬТАТ И ВСЕ ЕЩЕ МЕНЯ ЛЮБИТ, —
МОЯ ВЕЧНАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ РИВА —
БОЛЬШИМ, МАЛЕНЬКИМ И ТЕМ, КТО ЕЩЕ РОДИТСЯ, — И ТАМИ

Содержание

Шёнеберг	9
Берлин	47
Голливуд. Начало	87
Париж — Вена	196
Голливуд. Звездные годы	259
Лондон и далее	401
Губительница кассовых сборов	424
Годы войны	483
Она идет на войну	526
Огни рампы	565
Мир	671
Париж	738

Шёнеберг

Он был великолепен! Прямой, как аршин проглотил; темно-синий кавалерийский мундир безупречного кроя как влитой сидит на тренированном фехтованием торсе; холеное лицо, высокие скулы, яркие голубые глаза, их блеск скрывают тяжелые веки. «Постельный взгляд» еще не придумали, но именно таким обладал Луи Отто Дитрих. Классический тип прусского офицера, рожденного для аристократической жизни и привилегий. Он снял шлем, и золотисто-рыжие волосы — у его дочери через много лет публика назовет их тициановскими — поймали блики послеполуденного солнца, сочащегося сквозь викторианское кружево штор в отцовской библиотеке. Известный повеса, Луи Дитрих привык получать выговоры от своего долготерпеливого отца.

— Если ты раз и навсегда не покончишь со своими шлюхами, дождешься — пошлют за океан, и индейцы снимут с тебя скальп!

Луи угрожали ссылкой в далекую Америку на растерзание индейцам так часто, что он смиренно стоял навтыжку перед отцом, сидевшим за столом, и пережидал очередное чтение морали. Не принимать же всерьез надоевшую угрозу! Будучи вторым отпрыском аристократической семьи, Луи знал, что ему не на что особенно рассчитывать в будущем. И терять тоже особенно нечего. Положенный ему по рождению чин обеспечивал его элегантной формой и — бесперебойно — выпивкой и партнерами по картам. Веселые девицы были неотъемлемой частью его жизни, как и сверкающая шпага на стройном бедре. Отличившись недавно во всех полковых учениях, предписываемых протоколом, он знал, что заработал воинские полномочия, которыми может гордиться Отечество, и теперь с чувством выполненного долга имеет право предаться любимому спорту.

Луи знал толк в любовной игре: охота, гон, поимка — и жертва неизбежно сдается. Как голубоглазый сокол, он лихо налетал на добычу, и девушки падали в обморок от желания стать трофеем.

— Черт возьми, Луи! Неужели тебе нечего сказать?

Невозмутимо, словно бубня катехизис, сын еще раз пообещал отцу, что исправится, защитит славное имя Дитрихов от любого намека на скандал, приложит все старания к тому, чтобы семья получила страстно желаемое — сына, которым можно по праву гордиться. Луи обворожил бы кого угодно. Ежемесячный ритуал «указания Луи на его ошибки» неизменно оканчивался рукопожатием, почтительным щелканьем каблуков, тостом за кайзера, запиваемым отличным шампанским из знаменитых отцовских погребов. Затем неисправимый Луи возвращался к своим занятиям по осчастливлению прекрасной половины германского народонаселения.

Однако, когда он перенес свои таланты на родительский дом и соблазнил одну из горничных, терпение лопнуло уже у матери, и она взяла дело в свои руки. Никаких разглаговольствований и уж конечно никакого шампанского! Она просто объявила во всеуслышание: «Луи женится!»

Дитрихи созвали семейный совет. Прибыл весь немалочисленный клан: братья, сестры, дядюшки, тетушки, кузины и кузены, — кто в пышных ландо, кто верхом на рысаках, кое-кто в даймлеровых «быстроходках», от которых шарахались лощеные лошади в упряжках. За покачиванием шляпок и подкручиванием усов, под звяканье мейсенского фарфора и звон баварского хрусталя перебирались достоинства всех берлинских девственниц — так тщательно, словно изучалась военная цель. Началась кампания по поискам невесты, способной «держать Луи в узде». Но далеко дело не продвинулось. Вероятно, слухи о репутации Золотого Сокола просочились чуть ли не во все хорошие дома. Гордые прусские мамы сомкнули ряды, напрочь отменяя самую возможность внесения своих невинных дочерей в списки кандидаток на брак с таким скандальным субъектом. Пока семейство занималось поисками, Луи, по своему обыкновению, с удовольствием предавался амурам и верховой езде.

Перечень невест свелся до минимума. А точнее, до одной кандидатуры в лице скромной и даже не лишенной привлекательности дочери ювелира. Ее отец делал часы прекрасной работы, настоящие произведения искусства. Приданое за девицей предполагалось немалое, а ее семья сочла за честь отдать дочь за аристократа.

Вильгельмина Элизабет Йозефина Фельзинг была девушка примерная. Повиновалась матери, почитала отца и ничего не ждала от жизни — только возможности исполнить надлежащим образом свой долг. Особой красотой

она не отличалась, зато была неглупа и добропорядочна. В ее карих глазах порой прыгали чертики, но она редко позволяла себе фривольность. Не то чтобы ей недоставало теплоты или душевности. Позже она оказалась способна на подлинную страсть, но даже тогда, поставленная перед выбором, неизменно отдавала предпочтение долгу. Ничего странного — она была немка. Женщина Викторианской эпохи, она знала свое будущее и принимала его как данность. Она достигла возраста невесты, и вскоре отцу предстояло передать ответственность за ее жизнь подходящему мужу. Она хорошо помнила свое место в берлинском обществе — место дочери преуспевающего ремесленника. Йозефина, как ее называли, была отменно вышколена. Она изучила обязанности хорошей жены: надзирать за слугами, лично присматривать за безупречностью складок на скатертях и салфетках, за еженедельной полировкой серебра, выбиванием ковров, за сменой на зиму и на лето оконных драпировок. А также — проверять содержимое кладовой, составлять с поваром меню на каждый день, вышивать монограмму мужа на его белье и рожать наследников.

Ей как раз исполнился двадцать один год, когда Луи Дитрих, покрившись судьбе, пришел с визитом вежливости в дом ее родителей. Стоя как положено рядом со своей горделивой матерью, Йозефина смотрела на приближающегося жениха. Его мужская красота пронзила ее, и, приседая в реверансе, вместо того чтобы опустить глаза, она не смогла оторвать изумленного взора от его лица.

— Фрейлейн Фельзинг, — пробормотал он, прикладывая губами к ее холодной руке, и для этой чувствительной, но отнюдь не блестящей девушки время остановилось. Она полюбила его! Страсть, неподвластная времени, безусловная, необъяснимая, порой нежеланная — сквозь измены, кровавую бойню войны, даже после его смерти, — до конца ее дней.

Она была в белом кружевном платье и кашемировой накидке, защищавшей от зимнего холода. Фату придерживал традиционный миртовый веноч, прочное кольцо которого символизировало девственность — девица викторианского времени в парадном убранстве. Луи, сменивший офицерский мундир на столь же франтоватую форму лейтенанта имперской полиции, высился подле нее в темно-фиолетовом облачении с обильным золотым галуном. Они произнесли брачные обеты по англиканскому обряду. Стоял декабрь 1898 года; ей было двадцать два, ему — тридцать.

Они переехали в новый дом в Шёнеберге, фешенебельном городке под Берлином, где размещался полк Луи. Название соответствовало месту: высокие тополя, цветущие сады, уютные площади, добротная архитек-

тура — все весьма мило. Грациозно изогнутые уличные фонари недавно обзавелись электрическими лампами, зеленые трамваи с открытыми площадками больше не нуждались в тягловой силе лошадей — длинные электрические щупальца соединили их с новым столетием. Йозефина не по годам деловито осмотрела свою маленькую резиденцию. Все сияло, сверкало, отлично работало. Луи с умилением взирал на серьезную новобрачную, думающую только о том, чтобы угодить ему. В конце концов, женитьба могла обернуться приятным разнообразием.

Когда акушерка объявила о рождении дочери, Луи ответил лишь пожатием великолепных плеч и приказал подать ему коня — свой долг он выполнил. Его отец, вероятно, был разочарован, что родился не сын, но поскольку никто из детей Луи, мужского ли, женского ли пола, не мог претендовать на наследство, то на самом деле разницы особой не было. Луи чувствовал, что пора менять декорации. Последняя любовница ему прискучила, а теперь, когда Йозефина стала кормить ребенка грудью, он решил запретить дверь между их спальнями. Заниматься любовью с кормящей матерью — увольте, только не это.

Йозефина назвала первого ребенка Элизабет. Этакая печеная картошечка, тихонькое кареглазое существо, не смеющее требовать внимания и старающееся лишь угодить. Она, может быть, и крикнула бы: «Полюбите меня!» — но ее все равно никто бы не услышал, да и крик этот прятался глубоко в ее сердце. Своим рождением она навлекла на мать кару одиночества и несла в себе эту вину, не зная ее причины.

Йозефина продолжала исполнять ежедневные обязанности деловитой домоправительницы и матери, живя лишь ради редкого скрежета ключа, поворачивающегося ночью в замке и снимающего камень с ее души.

Тремя неделями спустя после своего двадцать пятого дня рождения, утром 27 декабря 1901 года, Йозефина, пережив тяжелейшие роды, разрешилась от бремени второй дочерью. Дитя было блистательное: точеную головку опушал цвет летнего заката, тельце светилось, как жемчуг Востока, ясная лазурь проглядывала из-под полуприкрытых век — Золотой Сокол в миниатюре. Йозефина держала у груди это совершенное создание, смотрела — и страсть, которую она питала к человеку, сотворившему себе подобие, перешла на его ребенка. Как если бы бушующая сила покинула ее тело — так она ощутила это. Вместе с новой любовью, близнецом старой, пришел неизъяснимый ужас, с тех пор преследовавший ее: не унаследует ли дитя отцовские наклонности? Не окажется ли для нее столь же легким делом причинять боль тем, кто ее любит? Она поклялась охранять дочь

даже от нее самой, если понадобится. Йозефина назвала новорожденную Марией Магдалиной. Что это было — мольба к Господу о защите или ясновидение?

К двадцати девяти годам Йозефина стала почти старухой. Гложущая тоска сделала свое дело. Из поры грубо прерванного юного цветения она вышла холодной женщиной, закосневшей в своих привычках, в стоицизме, приказах, назиданиях и тяжеловесных трюизмах. Увидев особу в темной юбке, блузке с глухим воротом и разношенных башмаках, случайный гость счел бы ее скорее суровой экономкой, а не молодой хозяйкой. Железной рукой Йозефина вела дом и воспитывала дочерей. Они ее боялись. Но страх перед родителями был настолько естественной принадлежностью хороших прусских домов, что две маленькие девочки воспринимали его как должное, и это их не угнетало.

Элизабет, прозванная Лизель, была ребенком умным. Как воробышек, она подбирала любые крохи любви, небрежно ей бросаемые. Она сама выучилась читать, будучи неполных пяти лет, и, когда младшая сестренка не требовала ее услуг, забиралась на чердак, в сокровищницу книжек. Свою красавицу сестру Лизель обожала. Она принадлежала к числу тех редких людей, которые не способны на зависть. Конечно, хорошо быть красивой и чтобы тебя за это любили, но Лизель, как очень чуткий ребенок, свыклась со своей некрасивостью с самого раннего возраста.

Мария Магдалина была особенной — эту истину все принимали без доказательств. Принимала и Лена, как ее называли в семье. Она чувствовала себя не такой, как остальные. Все на свете прекрасные вещи — она не сомневалась — сотворены ради ее удовольствия. Эту уверенность она хранила в себе, зная, что мать не одобрит такого самомнения, и разделяла только с сестрой. Незаметно для всех она разрешала Лизель прибираться за собой игрушки, стелить постель, быть счастливой служанкой. Лизель так нравилось прислуживать, что со стороны Лены было великодушием доставлять таким образом удовольствие старшей сестренке. Ей не нравилось только дурацкое прозвище «киска», которым Лизель звала ее, когда они оставались одни. Лена не любила, когда с ней сюсюкали, — это недостойно отпрыска фамилии Дитрих четырех без малого лет. К тому же разве Лизель не знает, что она терпеть не может кошек и собак? Мутти не позволяла держать в доме животных. В чем в чем, а в этом вопросе Лена уважала твердые материнские правила. Но вообще, Лене нравился отец. Фати никому не досаждал чтением нотаций. Он предоставлял это Мутти. Если и бывал строг, то лишь когда нанимал добропорядочных

гувернанток, которые приходили учить девочек иностранным языкам. Помимо безупречного владения разговорным французским и английским они непременно должны были иметь привлекательную внешность — уж за этим-то он следил. Лизель предпочитала английский. Лена обожала французский, потому что на нем все звучало романтичней.

Луи так редко бывал дома, что все детство оставался для дочерей туманным символом мужского авторитета. Скоро война заберет его насовсем из их юных жизней.

Но пока что в Европе был мир. Настала пора благоденствия. Викторианская эпоха окончилась, и элегантность эдвардианской Англии перешагнула через Ла-Манш. Берлин превратился в крупнейший индустриальный город Европы, оцененный по достоинству драгоценный камень в короне своего кайзера. Многие полагали, что город соперничает с Парижем во всем; красивые женщины, одетые по последней моде и фланирующие под липами на главных улицах, — не исключение.

На протяжении нескольких лет наблюдая за тем, как справляется с жизнью супруга Луи, женщины клана Дитрихов искренне ее полюбили. Чтобы выказать свою симпатию Йозефине и одобрение ее примерного поведения, они часто заходили на чай к молодой матроне, внося толику великосветского блеска в ее тусклую жизнь. Бедняжка никогда не выезжала. Да и как выезжать без сопровождения мужа? За кофе мокко со сливками и ванильными крендельками родственницы болтали, сплетничали, мило проводили время, а Йозефина вежливо слушала и исполняла обязанности хозяйки дома.

— Не далее как вчера, — повествовала жизнерадостная дама в брусничного цвета платье с дорогой камеей, — мне понадобился кусок бежевой шерсти. Мой любимый гобелен — ну, вы знаете, тот, что висит у меня в музыкальной комнате, — так вот, я обнаружила потертость прямо на руке у одной из муз! Я, конечно, немедленно приказала закладывать коляску и поехала в торговый дом Вертхайма. Владельцы, правда, евреи, и все же это чудо света. Все тонет в цветах. А канделябры! Там их не меньше, чем в Версале. И, представьте, как раз прибыла партия семги с Каспийского моря и икра в огромных бочках. Я тут же купила для мужа и того и другого. На царский стол лучше не выставляют. Потом купила восхитительной нуги, прямо из Флоренции, для детей, и совершенно невесомую шаль для матери Макса — ее семидесятилетие на будущей неделе. Потом подкрепилась чашечкой дивного чая с венгерской ромовой бабкой, которую просто распирало от изюма. Вернулась домой, конечно, без сил, но донельзя довольная.

— А бежевую-то шерсть ты нашла, Ингеборг? — любопытствовала изящнейшая дама в лиловом.

— Ну, разумеется! Ты не хуже меня знаешь, София, что в торговом доме Вертхайма есть абсолютно все!

— Мой муж прочел сегодня в утренней газете, — мышкой пропищала дама в светло-сером, — что в каком-то важном городе в Северной Америке случилось землетрясение. «Настоящая катастрофа» — так сказал мой муж.

— Я полагаю, в городе Сан-Франциско, названном в честь святого Франциска Ассизского. — Лиловая дама любила вносить ясность во все.

— Да, да, по-моему, именно там. Мой муж сказал, что было много жертв.

Монументальная дама в строгом темно-синем — вероятно, очень высокая, она и сидя возвышалась на голову над всеми — отчеканила командным голосом:

— Кайзер встретился с императором Всея Руси в Свиномюнде. Да, вы не ослышались. Я сказала — в Свиномюнде. Я часто возила туда мужа и детей. Я всегда говорила, что нет ничего лучше, чем воздух северного моря, он бодрит. Наш кайзер, разумеется, того же мнения.

Жирная такса высунула из-под скатерти морду, получила кусок сахара и снова погрузилась в дрему под чайным столом, ломящимся от лакомств.

Новая мемориальная церковь, которую кайзер приказал выстроить в память о его деде, была темой, живо интересующей всех. Еще бы — главный шпиль будет высотой сто тринадцать метров! Грандиозно! Только зачем на верхушке собираются прикрепить звезду? Это же не рождественская елка! Не соответствует религиозному сооружению такой важности.

— Мемориальная церковь кайзера Вильгельма останется триумфом церковной архитектуры на века, даже если они водрузят на нее эту рождественскую безделушку! — провозгласила темно-синяя дама, чем положила конец дискуссии.

— Кухарка мне рассказывала, что в северных кварталах некоторые женщины — она сказала «дамы», но в это трудно верить, они там все из рабочих, это только моя кухарка зовет их дамами, — так вот, они вышли на улицы с плакатами, что женщинам надо дать «права». Какие еще права? Чего только некоторые не сделают, лишь бы привлечь к себе внимание! Позор! «Заботьтесь о своих мужьях, домах и детях — и прочь с улиц!» — вот что им надо ответить!

С этим все согласились единодушно.

— Мы взяли ложу в новую оперетту, на открытие. А вы? — спросила мышинная дама лиловую.

— Мы — нет, моя дорогая, — отрезала та. — Мы с мужем в этот вечер даем музыкальное суаре с песнями Шумана.

— Мой муж сказал, что двор объявил еще об одном параде на этой неделе. Кайзер обожает парады! Как вы думаете, императрица снова будет в этом ужасном бледно-сиреновом, почти бесцветном? Что она в нем нашла?

И завязалась в меру пылкая дискуссия о модах, которая конечно же заняла остаток дня.

Перед уходом гостей девочки должны были спускаться вниз из детской, чтобы выказать всем почтение, прочесть наизусть по стишку из Гете и чтобы тетушки в знак одобрения погладили их по головкам. Девочки выносили эту церемонию с кротостью хорошо воспитанных детей.

Но когда заглядывала тетушка Валли, это было совсем другое дело! Тетушка Валли — красавица. Настоящая Лорелея! Составив хорошую партию, она могла потакать своему великолепному вкусу к роскоши. Муж души в ней не чаял, и она сорила деньгами не задумываясь. Ее охотничьи лошади были лучшей английской породы. Костюмы для верховой езды — из тонкого сукна и бархата, обычно ее любимого черного цвета, блестящий цилиндр, осененный вуалью, — чудо искусства и оболыщения. Она лихо и с продуманным изяществом управляла своими многочисленными имениями, славилась своими банкетами и ливрейными лакеями как на подбор — у нее для этого были собственные параметры: гренадерский рост и представительная внешность.

Когда тетушка Валли материализовывалась — вместе с экзотическими фруктами и парижскими конфетами, — даже лицо Йозефины теряло свою суровость и расплывалось в улыбке. Весь дом словно бы пробуждался от угрюмого сна. Тетушка Валли излучала сияние. Обе девочки души в ней не чаяли. Чудное видение! Муфточка из самого настоящего меха выдры, жакет туго в талию, отороченный тем же ценным американским мехом, шляпка — этюд из бархатных бантов и птичьих перьев. Лесная фея! Пока Лизель упивалась рассказами тетушки о последних вояжах в дальние страны, Лена переводила глаза с ее туфельек ручной работы, темно-зеленых с перламутром, на подобранные им в тон перчатки тонкой кожи и на совершенство брюссельского кружева вокруг ее шейки. Лена решила, что, когда вырастет, тоже будет одеваться как утонченная дама и будет такой же упоительно прекрасной, как ее тетушка Валли.

Если Луи случалось быть дома, тетушка Валли шокировала девочек, принимая от него стаканчик коньяку и опрокидывая его по-мужски.

При этом она посмеивалась и над своей храбростью, и над выражением ужаса на лице Йозефины. По части крепких напитков она тоже была докой и с легкостью бросала вызов мужской удали Луи — единственная женщина, которой он позволял такое. Из всей семьи одна только тетушка Валли сочувствовала кузену, когда его насильно женили. Тем не менее и она в конце концов приняла в сердце «бедняжку», как Дитрихи называли Йозефину, и выбирала время, чтобы немного скрасить ее уединенную жизнь и попенять Луи за его небрежение женой.

Весной 1906 года, когда Лене было почти пять, к ним в дом пришел придворный фотограф — снимать семейный портрет. Тетушка Валли выбрала для всех наряды и позы, подразнила Луи за его надутый вид и восхитилась эффектом, который производят соломенные шляпы, купленные ею для девочек.

А девочки быстро подрастали, скоро им предстояло пойти в школу. Йозефинина подготовка юных дочерей к тому, чтобы из них вышли хорошие немецкие жены, вступила в стадию практического обучения.

— Вы не будете знать, должным ли образом слуги выполняют свои обязанности, если не научитесь сами все делать как надо.

Таков был один из эдиктов, который девочки слышали постоянно. И они учились мыть, чистить, скрести, натирать, выбивать пыль, чинить и штопать, в то время как сменяющаяся череда гувернанток учила их французскому, английскому, игре на пианино, скрипке и хорошим манерам. К тому моменту, как девочки доросли до школьного возраста, обе свободно могли перескочить через два младших класса, но это, разумеется, было непозволительно. Обучение шло в установленном порядке, который соблюдался неукоснительно.

Итак, в одно темное и холодное утро две маленькие девочки с косичками и в черных шерстяных чулках отправились в школу. За плечами у них болтались большие кожаные ранцы, набитые книгами, — неприменная упряжь всех европейских школьников. Женская школа Августы Виктории зловеще темнела в раннем утреннем свете. Лизель толкнула тяжелую железную калитку, взяла сестренку за руку, затянутую в рукавичку, и ввела — себя и ее — в мир ежедневных обязанностей.

В школе Лизель была счастлива. Все, что относилось к обучению, стало для нее настоящей радостью. Сестра не разделяла ее счастья, но, привыкшая исполнять приказания, тоже без проблем вписалась в строгий школьный быт. Обе девочки приносили отличные отметки, как и ожидалось. Каждый день, вернувшись домой, девочки в прихожей снимали уличные ботинки и аккуратно убирали их в специальный ящик. Зашнуровав домашние

башмачки, мыли руки и переодевались из школьной формы в будничные платья и фартуки. Минимум два часа работы по дому предшествовали уроку французского, устного и письменного, с приходящей учительницей. Затем — час игры на пианино и на скрипке, за которым следовал питательный ужин в строжайшей тишине, поскольку разговор считался помехой правильному пищеварению. Английский, устный и письменный, с другой учительницей, венчал их длинный день. Только после того, как мать переплетала им на ночь косы, девочкам предоставлялось право провести по своему усмотрению драгоценные полчаса. Лизель хваталась за книжку, а ее сестренка предпочитала гладить длинные атласные ленты разных цветов, которые собирала, чтобы привязать к мандолине. Каким-то образом Лена выкроила время на то, чтобы научиться играть на этом итальянском инструменте. Она находила его романтичным и мечтала украсить его коллекцией атласных лент. В одной книге она видела картинку: бродячий цыганский мальчик играет на мандолине с хвостом из лент, — и ей очень хотелось стать такой же бродяжкой.

В 1912 году, на Пасху, тетушка Валли сделала Лене тайный подарок — маленький дневник в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением. Он был такой изящный, глаз не отвести.

— Записывай сюда свои чувства, — шепнула Лене тетушка. — Ты уже достаточно взрослая для чувств. Помни, всегда хорошо иметь тайного друга, которому можно довериться.

В последующие годы Лена изливала душу на страницах самых разнообразных дневников, но этот первый, получивший имя «Ред» (красный), был ее самым любимым. Иногда она писала на берлинском сленге, уникальном в его хлестком уличном остроумии, даже отдаленно не напоминавшем аристократический высокий штиль, на котором изъяснялись дома. Можно было только удивляться, где она нахваталась жаргона. Недостойная лексика отступала, стоило Лене удариться в романтику, но на протяжении всей ее жизни язык берлинской улицы, затаившись, ждал своего часа, чтобы вырваться наружу и показать себя. Так, в возрасте десяти с половиной лет, наметилась одна из прочных жизненных привычек младшей дочери Дитрихов.

Катастрофа с «Титаником» в апреле того же года не потрясла Лену, судя по тому, что она не почувствовала необходимости занести в дневник свои впечатления. Лишь два месяца спустя, летом, во время загородной прогулки, в ее жизни произошло нечто наконец-то заслуживающее записи:

8 июня 1912

Дорогой Редик! Вчера было чудесно! Мы поехали на экскурсию в Саатвинкен с Х. Шульцем. Я сидела у него на коленях. Дорогой дневничок, ты даже представить себе не можешь, как это было приятно!

Тысяча поцелуев, твоя Лени

Одним из мест, где любила собираться берлинская молодежь, был главный каток, замечательный своими переливающимися огоньками и духовым оркестром, который играл вальсы Штрауса и модные сентиментальные мелодии: любовь, разлука, тоска и страдания. Это была любимая музыка Лены.

26 февраля 1913

На катке было чудесно. Я упала, и сразу целая толпа мальчиков бросилась меня поднимать. Прощаюсь с тобой на сегодня, милый Ред.

Тысяча поцелуев, твоя Лени

17 января 1914

На катке все время крутили песенку «Все мужчины подлецы». Это, конечно, верно, но некоторые все же исключение. Например, Лош, Фати и дядя Вилли — и, может быть, еще один человек с инициалами С. Ф. Не хочу писать его имя — вдруг кто-нибудь сюда заглянет. Мне пора заканчивать. Урок скрипки.

Адье, мой Ред, твоя Лени

19 января 1914

Сегодня на катке было просто чудесно. Лизель спросила, неужели я снова пишу всякий вздор про мальчиков. Ишь какая — вздор! Разве, мой милый Ред? Конечно же нет! *Мы-то с тобой знаем*, что она пишет, правда? Лизель такая паинька.

Целую, твоя Лени

Несмотря на безупречное поведение Лены в школе и дома, Йозефина чувствовала в младшей дочери внутренний бунт. Это ее тревожило, это требовало самого пристального внимания. Лизель велели сопровождать сестренку повсюду, наблюдать за ней и немедленно сообщать о любой погрешности в правилах поведения благородных девиц, если погрешности будут иметь место. Лизель, привыкшей неукоснительно исполнять приказы, пришлось отложить любимые занятия. Она, ненавидевшая

коньки — у нее ужасно болели от них слабые лодыжки, — каталась по льду с решимостью отчаяния. Пригнув голову, напрягая маленькое коренастое тельце, чтобы не потерять равновесие, она бороздила лед и старалась не упускать из виду Лену, одерживающую очередную победу. Вместо того чтобы читать любимые книжки, Лизель преодолевала, как ей казалось, целые мили из конца в конец катка, пока Лена совершала свой «променад» — так в Берлине называли вечерние выходы для встреч со знакомыми. Куда бы ни направлялась сестренка, Лизель плелась следом — верный сторожевой пес.

30 января 1914

Сегодня в школе я получила «неуд», потому что меня пощекотали и я засмеялась. Мутти, конечно, прочла мне нотацию про «друзей». Но что я могу поделаться, если у меня нет друзей среди девочек? Сегодня я попробовала подружиться с Анной Марией Рихтер на сочинении, но она такая глупая, и ей уже тринадцать. Попробуй заведи подружек в классе, если тебя сажают только с евреями. Мутти говорит, что я должна попроситься сидеть одна. Я уже жду всяких гадостей от детей летом в Брауншвейге — остается только надеяться, что они окажутся хорошими. Сейчас мне надо взять себя в руки. Сегодня Штефи Берлинер сорвала с меня шапку, по крайней мере, шесть раз. Ух я и разозлилась! Теперь у меня четыре «неуда» и четыре замечания, одно по прилежанию, одно по манерам, одно по опрятности и четыре по поведению! Ужасный ребенок!

Я должна идти спать. Зуб болит.

Адье

Лени подумывала, как бы изменить себе имя. Пока учительница стояла к ней спиной, она на последних страничках тетрадки набрасывала разные варианты. Мари Магдален — красиво, потому что убраны последние буквы. Папу, например, называли Луи в честь французского короля, — так почему бы и ей не писаться на французский манер? Но, поскольку всех горничных зовут Мари, вероятно, ее нарочно называли Мария, с «я» на конце. Прекрасным отработанным каллиграфическим почерком она выписала свое полное имя. Сколько же времени это заняло! Она попыталась его сократить: Марилена, Марлена — уже лучше. Может быть, теперь подставить вместо последнего «а» немое французское «е»: Marlene? По-французски это будет звучать *Марлен*. Она написала еще раз: МАРЛЕН — МАРЛЕН ДИТРИХ. Да! Вот это в самую пору. То, что надо! Она прописала имя еще несколько раз и закрыла голубую тетрадку, очень довольная собой. Так в возрасте тринадцати лет она придумала себе имя МАРЛЕН.

1 февраля 1914

Вчера у меня была Отти Рауш. Думаю, она станет моей подругой. В школе, может быть, будут смеяться. Сегодня я была в настоящем кино. Шикарно!

Гуд-бай, милый Ред,

Лени

От Уральских гор до пышно-зеленых холмов Ирландии все и каждый чувствовали особое волшебство лета 1914 года. Пора была поистине золотая, редкостная. Каникулы все проводили на морском берегу и на горных курортах. В берлинских уличных кафе не переводились посетители — публика млела под мягким солнцем за стаканчиком прохладного рейнского вина или ледяного лимонада. В парках цвели акации, дети в белых матросках гоняли деревянные обручи, длинные синие ленты на их соломенных шляпах развевались на ветру. В знаменитых садах берлинского зоопарка английские няни устраивали парад своих отороченных кружевом питомцев в колясках на высоких колесах. Дамы с зонтиками и в узорном муслине прогуливали маленьких собачек. Молодые люди катали хорошеньких девушек на лодках по спокойным водам реки Шпрее и верили, что их ожидает блестящее будущее, неизменно красивая жизнь.

В городке под названием Сараево, на границе между Сербией и Австро-Венгерской империей, австрийский кронпринц Франц-Фердинанд, завершая официальный визит, посадил свою жену Софию в открытый автомобиль, сел рядом и приказал кортежу трогаться. Заиграл оркестр. Королевская машина медленно двигалась по нарядной улице. Стайка белых голубей кружила в ясном синем небе, как хлопья нечаянного снега.

Вдруг на мостовой метнулась тень. Некто вскочил на подножку двигающейся машины и выстрелил два раза.

История отметит, что в 11:15 прекрасным летним утром 28 июня 1914 года одним-единственным актом политического убийства целое поколение молодых людей было обречено на смерть.

Пока народы Европы по инерции наслаждались летним отдыхом, правительства уже решали их судьбу. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Цепная реакция пошла по всем альянсам и связям, известным и скрытым. Германия объявила войну России; Германия объявила войну Франции; Британия объявила войну Германии; Сербия объявила войну Германии; Франция объявила войну Австро-Венгрии; Британия объявила войну Австро-Венгрии; Япония объявила войну Германии; Австрия объявила войну Японии; Австро-Венгрия объявила войну Бельгии; Россия объявила войну Турции; Франция и Британия объявили войну

Турции. Позже Италия объявит войну Германии, Турции и Австро-Венгрии. И так далее, и так далее. Дойдет черед и до Соединенных Штатов. Первая мировая война началась.

15 августа 1914

Идет война! Ужасно. Фати шестого августа отправился на Западный фронт. Мутти все время плачет. В Харцбурге было хорошо. Учитель танцев — такой душка! Я думаю, нашу школу закроют. Французских девочек уже нет. Осталось несколько английских. Вчера на уроке скрипки я играла ради победы Германии.
Твоя Лени

Никто не думал, что война продлится дольше, чем лето. В кафе и кофейнях берлинцы называли ее «небольшой войной для разнообразия». К сентябрю это легкомысленное отношение улетучилось.

26 сентября 1914

Война! Фати ранен. Шрапнелью в правую руку. Его отвезли в Брауншвейг. Мутти взяла нас туда с собой. Он лежал в военном госпитале. Мы остановились в пансионе Мюллер-Бартенштейна, на Иерусалимской улице, дом 2. Очень прилично. 180 марок за три недели. Уйма денег. Фати был очень мил. Через четыре недели он отбыл в субботу на автомобиле как какой-нибудь принц. Дядя Отто и Георг получили Железные кресты.

9 октября 1914

Дядя Вилли тоже получил Железный крест, это потрясающе! Я перешла в третий класс «М». Шапки долой!

Ауфвидерзейн,
Лени

9 декабря 1914

И смешно, и печально. У Фати весь батальон завшивел! Мы всей школой вежем на двух спицах телогрейки. Не хочу идти в старшие классы в другую школу. Боюсь тамошних девочек. Милый Ред, я так скучаю по Фати,
Твоя Лени

В эту первую страшную зиму Великой войны солдаты рыли окопы и на Западном, и на Восточном фронтах. В немецком и французском языках слово «окопы» имеет тот же корень, что и «копать могилу», — подходящее название для того, что надвигалось.

15 декабря 1914

Дядя Отто убит. Выстрелом в шею 4 декабря. Все плачут. Дяде Отто отстрелило часть черепа.

Лени

3 февраля 1915

Лизель по уши втрескалась в Ханни. Есть такие зверьки под названием «обезьяны» — моя сестра из их породы. Уф, я так злюсь на Лизель, когда она так влюблена. Влюбиться... обручиться... пожениться... Я тоже влюблена?.. Р. ужасно мил.

Лени

6 марта 1915

Сегодня мы учились делать аппликации. Фиалки на шелке и бумаге, подсолнухи на дереве. Фиалки — для моей чудной, золотой тетушки Валли ко дню ее рождения. Как мне жаль наш красавец корабль «Тоголанд»! Только и надежды, что сегодня англичан хорошенько поколотят.

Извечно страдающие дьявольскими наклонностями к химии, 22 апреля 1915 года немцы предприняли свою первую газовую атаку. Весь мир заклеил ее как акт вандализма, а затем принялся разрабатывать собственные смертоносные смеси. Был изобретен противогаз, ставший привычным снаряжением по обе стороны фронта. Но немцы превзошли себя — получили новый газ, маслянистую смесь, которая не оставалась в воздухе, но, оседая, цеплялась за все, на что попадала, а после принималась проедать насквозь ткань, кожу, живую плоть, мышцы, легкие и так далее. Чтобы отравляющий газ попадал точно в цель, нужны были расчеты температуры, скорости и направления ветра. Из-за этого применение его усложнилось и включало в себя элемент риска. Внезапная перемена ветра могла повернуть смертоносное облако против его же хозяев. Вероятно, поэтому, а не по соображениям совести, химическая война в последующие годы не развернулась во всю мощь.

29 апреля 1915

Поехали забирать дядю Отто. Скоро мы уедем на каникулы в Дессау — наконец-то! Я бы там осталась навсегда. Я думаю, может быть, дядю Отто не убили. Может, это еще не наверняка. Зачем ему надо было умирать?

Теперь дамы приходили в шёнебергский дом не поболтать — поплакаться. Всегда выдержанная, полная сочувствия, надежная, Йозефина знала, что сделать и что сказать, она облегчала их горе, давала покой, когда это, казалось, не в человеческих силах. Они приходили как притихшие вороны. Их черные одежды шуршали по паркету как осенние листья. Мало-помалу Йозефина брала на себя роль главы семейства. Все женщины верили, что Йозефина Дитрих — самая сильная из них. Возможно, они были правы. Девочки, притаившись на лестничной площадке, смотрели, как мать выносит гостям подносы с угощением: бутерброды с ливерной колбасой и дымящийся кофе. Девочки знали, что она верит в пользу пищи как лекарства от горя, она считала физическую поддержку тела необходимой в тяжелые для души минуты. И в самом деле, дамы покидали ее дом несколько приободренные. Лизель хотелось плакать от сочувствия к этим черным скорбным фигурам. Лена, не будучи любительницей беспощадной реальности, предпочитала видеть жизнь под своим углом зрения. Когда только что овдовевшая тетушка Валли приехала к ним погостить, Лена была вне себя от радости.

4 февраля 1916

У нас тетушка Валли. Как чудесно! Я только что положила на ее кровать сосновую ветку с бумажными розами и стишок, который сама написала:

Я сорвала бы для вас
 Прекрасные розы,
 Но на дворе зима,
 И розы мои из бумаги.
 Смотрите на них
 И думайте обо мне.
 Я люблю вас.

6 февраля 1916

Тетушка Валли такая душечка! Вчера она была в черном платье с белым воротником и белыми манжетами. Выглядела божественно. Шикарно. И эти черные лакированные туфельки! Вчера вечером я вовсю расцеловала ее, но мне как будто чего-то не хватает — она-то целует меня только один раз. Я, конечно, счастлива, когда она меня целует — как Грета в Дессау, но ведь она же *моя тетя*. Лизель тоже липнет к ней с поцелуями. Вчера, когда я играла для нее «Ностальгический вальс» Бетховена, она плакала. Мне хотелось бросить скрипку, кинуться к ней и поцелуями стереть ее слезы.

10 февраля 1916

Тетушка Валли уехала. Это ужасно. Она дала мне серебряный браслет, который мне не разрешают носить в школу. Вот удача: я подобрала несколько недокурных сигарет с такими шелковистыми кончиками — они курили с тетей Эймини. Когда она уехала, я села у ее кровати и плакала бесконечно. Даже теперь, за домашним заданием по математике, я вдруг расплакалась, потому что подумала, как у нас опять стало тихо.

15 июня 1916

Фати послали на Восточный фронт. Мутти поехала в Вестфалию, чтобы попытаться с ним встретиться. Но они разминулись на пять минут — его поезд ушел. Она ужасно расстроилась. Вчера, когда Мутти еще не было, мы пошли в варьете на ревью. Чуть не умерли со смеху. Фати прислал нам настоящие фотографии. На одной он стоит рядом с офицером по имени Лакнер. Мы теперь играем в «сестер милосердия» у нас наверху. Я, конечно, приставлена сиделкой к Лакнеру, а точнее — к Хансу-Хейнцу фон Лакнеру, подполковнику 92-го пехотного полка, 23-х лет, уроженцу Брауншвейга. В черном платке я выгляжу как настоящая сестра милосердия, и он мне очень к лицу. Кстати, я больше не схожу с ума по тетушке Валли. Сейчас я ни по кому не схожу с ума! Через несколько недель мы будем в Харцбурге — вот тогда, может, я и потеряю голову от кого-нибудь.

Из нового поколения смельчаков, которые впервые в мире в 1914 году перенесли войну в небо, самой живописной личностью был, вероятно, немецкий ас барон Манфред фон Рихтхофен. Кумир соотечественников, уважаемый даже врагами, он воплотил в себе образ поистине романтического авиатора: «белый шелковый шарф, развевающийся по ветру». В вызывающе безрассудной манере он покрасил свой фоккеровский моноплан с тремя моторами в ярко-красный цвет, чтобы англичане немедленно замечали его. Неприятель оценил эту браваду, окрестив его Красным Бароном. Совсем мальчишки, пилоты одноместных аэропланов, этих хрупких бумажных змеев, носились над землей, убивая других и погибая сами, — они-то и были самыми славными ребятами Первой в новейшей истории войны и таковыми пребудут впредь, сколько бы войн еще ни случилось. Единоборство, со времен старинных рыцарей, всегда было окружено ореолом галантного героизма. Молодые девушки из хороших семей не читали газет, а радио и телевидение еще не изобрели — только этими фактами можно объяснить отсутствие Красного Барона в девичьих дневниках Лены. Знай она о нем, ей было бы от чего терять голову — как

двадцать восемь лет спустя при виде любого, кто носит на форме крылатую эмблему.

Именно тетушка Валли с маской скорби на бледном лице принесла Йозефине весть о гибели Луи. Именно она приняла в объятия пораженную ударом женщину, она бормотала обычные слова утешения, надеясь пробиться сквозь лед шока, она отвела Йозефину в спальню, уложила и укрыла большой периной, потому что знала: скоро холод проберет ее до мозга костей. Потом, в притихшем доме, она села дожидаться прихода детей.

В ту ночь Лизель плакала, пока не уснула, сжимая в руке фотокарточку отца. Лена отказалась верить услышанному. Тетя Валли не имеет права так ужасно лгать о таких серьезных вещах. Она сделала тетушке книксен и отправилась к себе в комнату. Лена не плакала. Дочери храбрых солдат никогда не плачут.

За закрытой дверью спальни Йозефина убивалась в полном уединении. Когда она наконец вышла, вдовьи одежды обрамляли ее как крылья летучей мыши. Она туго вплела в косы дочерей черные ленты, пришила черные повязки на рукава их школьной формы, вывесила черный креп на большой парадной двери шёнебергского дома. Жизнь в военной Германии пустилась в пляску смерти.

Июнь 1916

Все умерли. Сегодня будут хоронить Фати. Мы с утра пошли не в школу, а на Мемориальное кладбище, побыть с Фати. Могилу для него только еще копали. Здесь ужасно скучно, единственный интересный мальчик на променаде — Шмидт.

Лени

Оставшись одна с двумя детьми, Йозефина совершенно растерялась. На вдовью пенсию не прожить. Скоро девочки вырастут из обуви — что тогда? Где она возьмет кожу в военное-то время? Даже если разрезать сапоги Луи для верховой езды, где взять денег на сапожника? И еда все скуднее. Продуктовые карточки стали самой большой ценностью. Йозефина проводила дни в очередях в надежде выстоять хоть что-то. К зиме 1916 года хлеб пекли из брюквы, мясной рацион составляли кости и требуха; молоко и сыр исчезли; вместо картошки была репа. Кофе — неотъемлемую часть уклада берлинской жизни — делали из земляных и буковых орехов. Эрзац во всем стал сущностью будней. В рабочих кварталах города женщины питались в складчину, устраивали коммунальные кухни, где за сорок пфеннигов каждый мог купить литр жиденького супа на всю семью. В фешенебельных

квартилах процветали подпольные рестораны. Тамошние роскошные меню предлагали фазана, сочного гуся, жаркое из свинины с аппетитной корочкой, разнообразие овощей, шоколадные пирожные и множество сортов мороженого. Как всегда во время любой войны, очень богатые пировали, а бедные рылись по помойкам, чтобы прокормить детей.

Когда по осажденному городу пошла гулять инфлюэнца, Йозефина поняла, что пришло время забирать детей и уезжать из Берлина. Распрощаться с домом в Шёнеберге было все равно что снова, и на этот раз окончательно, потерять Луи. Она, редко позволявшая себе слезы, оплакала все утраченные мечтания юности; затем, повернувшись спиной к прошлому, ушла. Ей надо было выполнять свой долг.

Для своего маленького семейства она сняла квартиру в шестидесяти пяти милях к юго-западу от Берлина, в городке под названием Дессау.

Дессау

9 ноября 1916

Я пошла на променад в 6:15. Мне сказали, что Фриц будет там с шести. Мне, как обычно, везет! Я ждала, а он, конечно, даже не появился. Если бы он ко мне подошел, было бы здорово, потому что Мутти не было дома. Мы увиделись позже, на скрипке. Я всегда прихожу на урок, пока он еще не закончил. Если бы только Герберт Хирш *знал!* Он был от меня без ума в Харстбаде. Довольно интересный. Особенно интересно целовался в темном коридоре, за что я на него страшно разозлилась. Ему четырнадцать, а ведет себя как будто семнадцать. Его отец — вздорный старый еврей, так что Мутти даже считала, что это все может быть опасно. Герберт был для меня в Берлине развлечением приятным, но неудобным, потому что он вечно торчал у наших дверей, поджидая, когда я выйду, а мне, конечно, не хотелось, чтобы нас видели вместе. Перед отъездом из Берлина мы повидались. Он приехал на велосипеде. Тетя Эльза подарила мне розы, а я сделала вид, что они — от поклонника, и сказала ему, что могли бы быть и от него. Он развернулся и уехал. Надо написать ему, разжечь снова его пыл. Тут у каждой девочки есть поклонник, иначе в Дессау была бы тоска зеленая.

Дессау

6 декабря 1916

Сегодня на променаде мальчишки сдернули с меня шапку и вообще приставали. Так всегда, когда приходит новенькая. Завтра не пойду, мне запрещено гулять три дня подряд. И еще мне велено ложиться спать без четверти девять. Это в пятнадцать-то лет?! Лизель такая «добродетельная» — она никогда не

заходит дальше Кавалерской улицы, чтобы не подумали, будто она тоже вышла на променад. Тетя Эймини заболела испанкой, и Мутти ушла за ней ухаживать. А мне надо было навестить тетю Агнес. Когда я пришла к ней, она не нашла ничего лучше, чем начать распекать меня за все мои грехи. «Зачем вчера ходила на променад? Кого там видела? Сколько раз прошлась взад и вперед?» А у меня одна радость, если это можно назвать радостью, — погулять вечером полчаса с подружкой, когда уроки сделаны. А теперь и этого нельзя! Ну уж нет! Я все равно выйду!

10 декабря 1916

Сегодня он улыбнулся мне так мило. Он был ранен и поэтому носит штатское платье. Его зовут Ф. Шурике, и он всегда так пристально смотрит на меня. Утром я вижу его в трамвае, а вечером — когда он возвращается, а мы гуляем. Так вот, *этого* я не позволю отнять у меня никому! (Кстати, с тетей Валли у меня все кончено.)

Дессау

13 января 1917

Может, я чуть и перехлестываю, но ничего не могу с собой поделать, я люблю его. Всем сердцем. А что самое прекрасное — я ему нравлюсь! Иначе зачем бы он смотрел на мое окно всякий раз, проходя мимо нашего дома? Затем, чтобы узнать, стою ли я там, поджидая его. Глупо, но и приятно — знать, для кого делаешь новую прическу, для кого наряжаешься, даже если он едва это замечает. В конце концов, он — моя первая любовь. До сих пор я ничего не знала о любви. Завтра я увижу тебя на променаде, Фрици. Я увижу — тебя, тебя, тебя, мой ангел, тебя, дивного тебя. Прежде я всегда смеялась, когда «любовь» проходила. Над моей *первой* любовью я никогда не буду смеяться! Надеюсь, Мутти мне все не испортит.

16 января 1917

Все кончено. Для него это все ничего не значило. А я-то позволила себе подойти и показать ему, как он мне нравится. Никогда больше не доверюсь такому, как он, такому, которому на все наплевать, которому было просто интересно послушать, что думает о нем юная «школьница». Нет, я слишком хороша для этого! Свои чувства я запомню, но с самим Ф.Ш. все кончено!

Несколько месяцев продолжалась битва под Верденом. Когда резня кончилась, французы недосчитались 542 000 человек; потери немцев составили 434 000.